

ПАМЯТИ ГАЛИНЫ УЛАНОВОЙ

УШЛА КОРОЛЕВА БАЛЕТА

У ее ног лежал весь мир. А она была плоть от плоти русского искусства. Ученица своих родителей, танцовщиков Мариинского театра, воспитанница знаменитой школы Вагановой, она щедро приумножила славу Кировского (ныне вновь Мариинского), затем Большого театров. Ее Одетта-Одиллия, Аврора, Мария и многие другие роли не изгладятся из памяти людей старшего поколения, останутся в легендах. Кое-что запечатлено на киноплёнке: увековечена ее ни с чем не сравнимая в своей романтической трепетности Джульетта, есть и другие съемки — к сожалению, далеко не столь многочисленные, как следовало бы.

Тем более редко мы слышали ее голос. Свои убеждения она предпочитала отстаивать не в громких публичных дискуссиях, а на сцене — своим танцем, танцем учеников.

Жизнь Улановой ярка и ясна, ибо содержала в себе "одну, но пламенную страсть". Жизнь Улановой загадочна, как загадочна всякая жизнь великого художника. Прикоснуться к ее тайнам, может быть, в какой-то степени понять их нам сегодня помогают те, кто близко знал и любил Галину Сергеевну.

(Окончание на 4-й стр.)

Трух. - 1998. - 24 марта. - с. 14

УШЛА КОРОЛЕВА БАЛЕТА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Тихон ХРЕННИКОВ,
композитор

Наверное, в искусстве XX века нет другого такого человека, которому бы так поклонялся весь мир. "Железный занавес" приподняли только в 50-х годах, а уже в 1960-м она перестала танцевать. Но признание ее было безоговорочным. Даже у талантливейших нынешних танцовщиц я не вижу того, что имело у Улановой. Говорю не о технике, которая у нее была доведена до совершенства, но не бросалась в глаза. Главное — это человечность и поэзия ее танца. Она была истинной королевой балета.

В последние годы мы несколько летних месяцев проводили вместе в Барвихе — Уланова удивляла всех, по два часа в день занимаясь сложнейшей гимнастикой (она демонстрировала нам, как, наклоняясь, достает пол ладонью) и по два часа гребла на лодке! Очень запомнились наши прогулки впартером с Игорем Александровичем Моисеевым, нашими супругами, Галиной Сергеевной. Она говорила о том, что ее вол-

новало — о нелегком положении отечественного искусства, о том, как трудно сейчас получить образование, молодежи приходится платить за то, что раньше давалось бесплатно. Увы, сама она была бессребреница и не могла материально помочь всем своим ученикам. Но она помогла им, всем нам своим потрясающим примером — как мужественная личность, как совершенный художник.

Николай ЦИСКИРИДЗЕ,
солист Большого театра

Так получилось, что я стал последним из нынешнего поколения молодых артистов, с кем Галина Сергеевна работала как педагог-репетитор.

Плотно работать вместе мы начали в 1995 году. Тогда я готовил "Нарцисса" — номер, который мне передал Владимир Викторович Васильев, Голубую птицу из "Спящей красавицы" и "Сильфиду" — спектакль, где у танцовщика очень большая партия, он два часа не уходит со сцены. Галина Сергеевна репетировала не только танцы, но каждый жест, каждый поворот головы. Бегала со мной, прыгала, хотя ей было уже за 85! Однажды мы проходили эпизод, когда Сильфида целует кольцо, бросает его и умирает. Мы, наверное, целый час этот эпизод отработывали, и действительно она, изображая Сильфиду, все время целовала и бросала какое-то кольцо — я должен был его поймать, но оно падало, куда-то закатывалось, я его подбирал... Так оно и осталось у меня в руке, когда мы закончили репетицию; сидим, разговариваем — и тут я нарочно опустил глаза и наконец рассмотрел это самое кольцо. Привыкший на сцене к всякой блестящей бутафории, я был поражен: я увидел перстень с огромным, размером с ноготь большого пальца, бриллиантом! Его-то она все время и бросала, как какую-то безделушку... Понимаете, когда она занималась работой, для нее не существовало никаких других ценностей.

Она была очень сдержанный человек. Мало кого приближала к себе. Вы знаете, я ведь ни разу не был у нее дома — при том, что

у нас были очень добрые отношения. На все предложения помощи по хозяйству отвечала отказом. Хотя помощь была ей нужна, особенно когда умерли ее близкие и Галина Сергеевна осталась одна.

Бывали у нас и моменты настоящей душевной близости, она рассказывала про себя, про свою молодость... Года два назад мы возобновляли "Ромео и Джульетту", Галина Сергеевна болела, и мы много с ней разговаривали по телефону. И вот, когда речь зашла о партии Джульетты, она вспомнила свой выпускной бал, как они потом всю ночь гуляли, забрели в лес, зашли в какой-то дом, ребята веселились за стеной, а она одна стояла у окна, и была заря, и она увидела восход солнца. Тогда-то я понял, говорила она, что я уже не девочка, начинается новая жизнь... А вспомнила она этот эпизод вот почему — через годы он ей помог прочувствовать состояние Джульетты, когда та вдруг понимает, что она уже не подросток, а юная женщина... Вот так Уланова, даже углубляясь в личное, продолжала оставаться человеком профессии.

Борис ПОКРОВСКИЙ,
режиссер

Об Улановой трудно рассказывать — хотя я знал ее не просто как зритель, мы общались домами. Ее жизнь "неинтересна", в том смысле, в каком "интересна" какая-нибудь биография, полная анекдотических историй (именно таковы жизнеописания не самых талантливых артистических личностей). Многие считали ее сухой, замкнутой. Поражались "противоречию" между ее житейской несентиментальностью и эмоциональностью ее искусства. На самом деле никакого противоречия нет. Просто ей не надо было казаться эмоциональной, внешняя эмоциональность — часто признак бездарности и неискренности. Она жила делом, то есть искусством. Была проста — и гениальна. Чистый, честный человек, естественный во всем, что делает, — в быту, на сцене...

Ей и слава не была нужна. Она не обращала внимания на почести, которые ей оказывали. Год или два назад домработница нашла у нее на полках странную коробку. Там оказались какие-то платья, кажется, еще засохшие цветы. Оказалось, это подарок от французского президента де Голля. Ей абсолютно неважно было, что это ценная вещь, к тому же полученная в дар от высокопоставленного лица — она привезла это и, не раскрывая, зашвырнула подальше. А важно было то, что она танцевала для этого человека, и танцевала хорошо...

Ее не волновала нехватка денег — все мы представляем, что такое театральная пенсия, даже у Улановой. Она эту нехватку просто не замечала, ибо не нуждалась в роскоши. Она не жаловалась, когда небольшую стипендию, что президент России назначил некоторым деятелям нашей культуры — Рихтеру, Свиридову, ей, — и ту перестали выплачивать...

Что она привнесла в искусство? Ничего. Так называемое формальное новаторство — удел малоодаренных выскочек. Просто она была недосыгаемой. Не выражала музыку — сама была музыкой. Одухотворенность ее танца нельзя объяснить отточенностью техники, формы или чем-то подобным. Это — гениальность. Техничных много, Уланова одна.

Своим примером она помогла и мне — помогла утвердиться в презрении к мелочности, бытовизму, обывательщине. Сор жизни существует, ничего с этим не поделаешь, но он не должен касаться искусства.

Уланова не провозглашала каких-либо словесных программ — хотя твердо следовала всю жизнь одним и тем же принципам. Их знают ее ученики — вот только могут ли в полной мере воплотить, ведь для этого надо быть равно с ней одаренным... Тем не менее на склоне лет у нее появилось желание зафиксировать свой художественный опыт, написать книгу. Но не нашлось человека, который помог бы ей в литературном труде... Читатель удивлен равнодушию современников? Не стоит удивляться, это нормальная судьба русского гения. Уланова им была.

Публикацию подготовили
Сергей БИРЮКОВ
и **Полина СОЛОВЕЙ.**

● На репетиции с Ниной Семизоровой и Юрием Владимировым.

Для нее ничто не было так свято, как искусство. Этому она учила и других. Вечная ей память.

Наталья ДУДИНСКАЯ,
балерина

Мне очень горько, что из жизни ушла Галина Сергеевна Уланова — необыкновенно талантливая танцовщица и очень хороший человек.

В далекие годы мы вместе учились в Петербургском хореографическом училище. Я была на три года младше и смотрела на нее как на старшего товарища. А в училище была традиция: старшие обращались к младшим на "ты", а младшие к старшим — на "вы". У нас с Галиной Сергеевной это осталось на всю жизнь.

Мы с ней танцевали "Лебединое озеро". Сначала она танцевала "Лебедя", а я "Одиллию". Потом мы менялись ролями. Работать с ней было чрезвычайно интересно. Перед самой эвакуацией мы танцевали "Лебединое" вместе в последний раз...

...Мы не были подругами, но творческое общение с Галиной Сергеевной всегда обогащало. Мы виделись в недавний ее приезд в Петербург. Кто знал, что это наша последняя встреча? Очень, очень печально...

Фото Виктора АХЛОМОВА.

Труд. - 1998. - 24 марта. - с. 14